

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра иностранных языков факультета гуманитарного образования
(полное название кафедры)

Утверждаю

Зав. кафедрой _____
Е.А. Мелёхина
(подпись, инициалы, фамилия)

« ___ » _____ 201⁹ г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА БАКАЛАВРА

Бравковой Дианы Алексеевны

(фамилия, имя, отчество студента – автора работы)

Эвфемизмы и дисфемизмы в выступлениях ведущих политических деятелей США и

(тема работы)

Великобритании и особенности их перевода на русский язык

Факультет гуманитарного образования

(полное название факультета)

Направление подготовки 45.03.02 Лингвистика
(код и наименование направления подготовки бакалавра)

**Руководитель
от НГТУ**

Онал И.О.

(фамилия, имя, отчество)

Ст. преподаватель кафедры ИЯ ГФ

(ученая степень, ученое звание)

(подпись, дата)

**Автор выпускной
квалификационной работы**

Бравкова Д.А.

(фамилия, имя, отчество)

ФГО, гр. ИЯ-53

(факультет, группа)

(подпись, дата)

Новосибирск 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. ЭВФЕМИЗМЫ И ДИСФЕМИЗМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: СТРУКТУРНЫЙ, ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ.....	6
1.1 Понятия «политический текст» и «политический дискурс» основные характеристики.....	6
1.2 Речь публичного деятеля и ее лингвостилистические особенности	8
1.3 Понятия «эвфемизм» и «дисфемизм» в лингвистике.....	14
1.4 Способы образования эвфемизмов и дисфемизмов	17
1.5 Функции эвфемизмов и дисфемизмов в политическом дискурсе	21
1.6 Способы перевода эвфемизмов и дисфемизмов в политическом дискурсе.....	24
ВЫВОДЫ по Главе 1	27
Глава 2. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ И ДИСФЕМИЗМОВ В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	28
2.1. Эвфемизмы и дисфемизмы в речи Д. Трампа на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (19.09.17).....	28
2.2 Эвфемизмы и дисфемизмы в послании Трампа к Конгрессу США «О положении дел в стране» (06.02.19)	35
2.3 Эвфемизмы и дисфемизмы в европейской речи Дэвида Кэмерона (23.01.13)	40
2.4 Эвфемизмы и дисфемизмы в прощальной речи Б. Обамы (11.01.17)....	43
2.5 Эвфемизмы в выступлении премьер-министра Великобритании Терезы Мэй на пленарном заседании сессии Генеральной Ассамблеи ООН (20.09.16)	45
2.6 Эвфемизмы и дисфемизмы в речи премьер-министра Великобритании Терезы Мэй на заседании генеральной ассамблеи ООН (26.09.18).....	47
ВЫВОДЫ по Главе 2	58
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	60

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	62
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ.....	65

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время с увеличением заинтересованности людей в происходящих событиях, в особенности связанных с политикой, возрастает и число печатных СМИ и интернет источников, посвященных этой проблеме. Необходимость учитывать особенности восприятия информации адресатом, его степень заинтересованности, культуры влечет за собой необходимость использовать в политических текстах СМИ лексику, направленную на с одной стороны, на смягчение и маскировку, нейтрализацию информации, и с другой стороны - намеренное нарушение норм политкорректности с целью ожидания определенной реакции у читателя (использование дисфемизмов). Последнее связано с все большим своеволием в СМИ, что должно повлечь за собой уменьшение количества эвфемизмов и наоборот, увеличение количества дисфемизмов. Средства массовой информации выступают основной сферой реализации политического дискурса. Одной из наиболее важных целей, реализующихся в медиатекстах, является влияние на аудиторию, а какое именно – определяет наличие тех или иных языковых средств, присущих текстам с политической проблематикой.

Актуальность данной работы обусловлена интересом к изучению способов отражения изменений в общественном сознании с помощью языка, изменениям в культуре и социальной жизни, возрастанием необходимости использования эвфемизмов и дисфемизмов в текстах публичных выступлений политических деятелей США и Великобритании, влиянием этих языковых средств на сознание людей.

Объектом исследования являются эвфемизмы и дисфемизмы в текстах публичных выступлений политиков США и Великобритании, а **предметом** – особенности их употребления, функционирования и перевода на русский язык.

Цель данного исследования заключается в изучении эвфемизмов и дисфемизмов, используемых в речи политических деятелей, и рассмотрении

особенностей их перевода на русский язык. Для достижения поставленной цели требуется решить следующие задачи:

1) ознакомиться с понятиями «эвфемизм» и «дисфемизм», рассмотреть особенности их использования в текстах политической тематики;

2) рассмотреть классификации эвфемизмов и дисфемизмов по способам образования и их основные функции;

3) ознакомиться с лингвокультурными особенностями политического дискурса;

4) рассмотреть особенности публичной речи как одного из видов политического дискурса;

3) проанализировать эвфемизмы и дисфемизмы, встречающиеся в англоязычных текстах выступлений политических деятелей, выявить их способы образования и функции, а также методы и способы их перевода на русский язык.

Вышеизложенные задачи определили структуру работы. Она состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, списка источников примеров и приложения.

Теоретической базой для исследования послужили работы в области политического дискурса (Е.И. Шейгал, Е.А. Сидельникова, А.Г. Алтунян, А.П. Чудинов, А.Н. Резанова, Т.В. Алиева), а также в области теории перевода (В.Н. Комиссаров, Л.С. Бархударов, И.Р. Гальперин) и др.

Материалом исследования послужили выступления американских и британских политических деятелей, размещенных на сайте *ИноСМИ*, в электронных версиях журналов *New York Times*, *USA Today*, *CNN*, *Forum Daily* и т.д., а также их переводов в общем доступе сети Интернет. Общее количество речей составило 7 (объемом 156 тыс. 419 знаков).

Глава 1. ЭВФЕМИЗМЫ И ДИСФЕМИЗМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: СТРУКТУРНЫЙ, ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

1.1 Понятия «политический текст» и «политический дискурс» основные характеристики

В настоящее время исследование дискурса является актуальным направлением, а *политический дискурс* занимает особое место в изучении этого феномена. Не существует единого и общепринятого определения политического дискурса в связи с расхождениями мнений ученых, а также ввиду характеристики его как «сложного коммуникативного явления, который включает в себя не только акт создания определенного текста». Поэтому ознакомимся с понятием «политический дискурс», которое подразумевает два подхода – широкий и узкий.

В узком смысле, политический дискурс – это дискурс политиков. В широком – это совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях [Раренко 2013: 307]. Для более ясного представления об этом явлении необходимо выделить следующие составляющие полит. дискурса:

- 1) Институциональный политический дискурс, включающий в себя тексты, созданные самими политиками. К ним относятся политические документы, парламентские речи и дебаты, публичные выступления, интервью политических лидеров;
- 2) Масс-медийный, в котором используются тексты политической тематики, созданные журналистами и распространяемые во всех СМИ;
- 3) Тексты, авторами которых являются обычные жители. Это могут быть письма, адресованные государственным учреждениям, обращения и т.д.;
- 4) Политическая литература: детективы, поэзия, мемуары;

5) Тексты научной коммуникации, посвященные политике [Кацев 1988:162].

Такие отличительные черты позволяют автору политического текста сочетать элементы сообщения и воздействия, «голые» факты и эмоциональную окраску событий. На этом контрасте осуществляется функция манипулирования людьми, которая не создает излишнего давления, но направляет мысли человека в ту или иную сторону, в зависимости от цели воздействия. Стоит отметить, что при переводе на русский язык часто используется прием снижения образности, то есть высокая экспрессивность и эмоциональность характерна в основном для английского языка.

Любой политический текст направлен на убеждение аудитории в правильности и важности информации, представленной в послании автора, а главной его целью является воздействие на аудиторию, ожидание определенной реакции и/или действий. Исходя из следующих функций политического текста:

- Привлечение внимания
- Идеологическая функция (пути решения проблем)
- Убеждение аудитории в правильности поставленных проблем и предложенных путей их решения
- Мобилизация аудитории, ответная реакция на предложения [Алтунян 2014: 300]

– можно утверждать, что для реализаций таких функций в политическом дискурсе необходимо использование определенных языковых средств. Все эти функции являются составляющими одной из политических целей-манипулирования. Соответственно, политическая сфера предполагает наличие лексики, включающей совокупность общеупотребительных слов, именующих явления сферы политики. Она является областью для обширного применения эвфемизмов и дисфемизмов, используемые в зависимости от задач, который ставит перед собой политический текст. Частотность употребления как эвфемизмов, так и дисфемизмов можно объяснить всегда

существовавшей сложностью отношений государства и граждан, государства и государства.

Поскольку материалом данной работы являются выступления политических деятелей, в следующем параграфе мы рассмотрим их особенности и основные характеристики.

1.2 Речь публичного деятеля и ее лингвостилистические особенности

Публичная речь политика – особый вид текста, функционирующий в системе политического дискурса. Успешный выбор стратегий перевода и достижение его адекватности полностью зависят от знания характеристик, присущих именно политической речи. В отличие от общественно-политического текста, публичные речи отличаются наличием «факторов социального контекста», то есть не только содержание речи политического деятеля предопределяет успешность его выступления, но и сама ситуация речевого взаимодействия с людьми; цель, время и место коммуникативного события, а также социально-психологические характеристики аудитории [Кацев 1988: 9]. Согласно Т.В. Юдиной, которая выделяет четыре сферы реализации разных форм политического дискурса, непосредственная коммуникация и взаимодействие с людьми происходит посредством следующих видов:

- Парламентские выступления
- Партийные съезды
- Избирательная кампания
- Международные конференции, встречи и форумы [Юдина 2001: 8]

К важным характеристикам публичной речи следует отнести *институциональную адресность*. Политический деятель выступает как носитель определенного социального статуса и представитель определенного социального института и соответствует существующему в нем стандарту поведения [Шейгал 2004: 256]. Однако, стремление политиков «быть ближе к

народу» и сделать свое выступление более естественным снижает уровень институциональности, и соответственно, позволяет построить речь таким образом, чтобы произошло эффективное манипулирование сознанием людей. Следовательно, такая стратегия производит впечатление искренности, доверительности, безопасности и позволяет сказать больше, чем допускает официальная обстановка.

Еще одна отличительная черта политической коммуникации и, в частности, политической речи – *редукционизм*, который выполняет функцию схематизации политической коммуникации и ориентируется на массового читателя, опираясь на простоту и краткость донесения мысли [Миронова 2003: 3]. Такое «черно-белое» мышление, сведение к биполярным категориям, отражается в оппозиции «свой-чужой», о которой было упомянуто ранее, и естественным образом решает вопрос об управлении сознанием людей.

Агрессивность и толерантность демонстрирует сочетание противоположностей при осуществлении политической коммуникации, так как с одной стороны, борьба за свои идеи является ключевым и неизбежным моментом в сфере политики и обостряется в то время, когда политическое решение зависит от выбора широких масс граждан, и с другой- необходимо не поддаваться личной неприязни, быть терпимым к инакомыслию и уважать идеи других [Чудинов 2006: 52-71]. В современном демократическом обществе по сравнению с обществом тоталитарным, агрессивность выражается более мягко – посредством дискредитации противника в социальном сознании с помощью слов.

Экспрессивность и наличие большого количества стилистических средств также являются отличительной чертой публичной речи [Бирюкова 2009: 12]. В первую очередь, это обеспечивает внимание слушателей, а следом – на их восприятие информации.

Говоря о выступлениях политических лидеров, учитывая цели и мотивы каждого из них, нетрудно догадаться, что главное «оружие» любого государственного деятеля – язык, его слова, которые в его публичном

обращения выполняют первостепенную функцию – функцию манипулирования людьми. Ранее нами были рассмотрены особенности политического текста, который также включают в себя выступления политиков. Но все-таки в полном объеме эта функция реализуется путем устного воздействия на слушателей, в момент «здесь и сейчас», поскольку манипуляция является главным атрибутом политического дискурса. Ее цель-реализация, получение и сохранение власти. Помимо хорошо продуманной речи, создание эффектного имиджа политика также играет немаловажную роль. Политический имидж – это сложившийся в массовом сознании образ политического лидера, с присущими только ему особыми чертами, выделяющими его среди других [Смолякова 2000: с.102]. Как правило, этот образ имеет характер стереотипного представления о личности человека, который складывается в сознании людей либо под намеренным воздействием СМИ, либо естественным путем.

Действительно, современное информационное пространство создает свои «кружки по интересам» и вынуждает людей принимать ту или иную сторону. Это демонстрируют следующие слова Й. Шумпетера, американского политолога, социолога и экономиста: «Как только обычный гражданин затрагивает политические вопросы, он опускается на более низкий уровень умственной деятельности...Он вновь становится дикарем: его мышление становится ассоциативным и аффективным...» «при анализе политических процессов мы в большей степени сталкиваемся не с подлинной, а со сфабрикованной волей...воля народа есть продукт, а не движущая сила политического процесса» [Шумпетер 1995: с.346].

Достоверность информации – главный нежелательный компонент на арене политических манипуляций, доступ к которой должен быть ограничен или даже невозможен для общества. Вместо этого ему предлагается официальная версия, якобы отражающая положение в стране. Выделяются следующие виды манипулирования:

- Референциальное манипулирование, которое предполагает искажение образа денотата в процессе обозначения действительности. В свою очередь, оно подразделяется на: 1) фактологическое манипулирование, осуществляемое с помощью искажения фактов, лжи, подтасовки фактов, преувеличения или недосказанности. Оно направлено на дискредитацию противника с целью понижения его социального статуса; 2) фокусировочное манипулирование, с помощью которого изменяется характер восприятия денотата, тем самым заставляя адресата воспринимать его в выгодном для манипулятора свете.

- Аргументативное манипулирование, которое основывается на 1) нарушении развития логики и связности текста; 2) уклонение от обязанности доказывания, например, формулирование точки зрения в форме, не требующей доказательств и т.д. [Шейгал 2004: 226].

- Возражение под видом согласия, маскировка логических ходов [Ухванова 1998: 4]

Проблема достоверности /недостоверности информации в политическом дискурсе является актуальной проблемой, так как ложь как основа манипулирования в политике-достаточно распространенное явление. Она реализуется для достижения следующих целей: 1) самозащита и потому умалчивание некоторых фактов; 2) дискредитация оппонента; 3) навязывание адресату определенной идеи [Тибинько 2011: 134].

Рассмотрев особенности, виды и цели политического манипулирования, можно утверждать, что успешное манипулирование складывается, прежде всего, из правильно подобранного лингвистического материала, который в ходе выступления политика является важнейшим инструментарием в целях воздействия на сознание людей, и создание имиджа политического лидера, который также может формироваться преднамеренно, с целью дискредитации или же с противоположной целью – создать у народа представление о человеке-«спасителе», способном решить существующие в обществе проблемы, которые до него никто не смог решить.

Нами были рассмотрены наиболее важные характеристики публичной речи как отдельно функционирующего вида политического текста и политическое манипулирование в процессе взаимодействия власти и общества. Далее мы перейдем к трудностям, встречающимся при переводе политического дискурса.

Общественно-политический текст – широкое понятие, включающее в себя следующие виды: выступления государственных, партийных и общественных деятелей; публикации международных, правительственных организаций; статьи, посвященные политическим вопросам: борьбе за мир, безопасность государственных границ, сокращению вооружений, экономическим вопросам. Любой общественно-политический текст имеет узкую направленность, то есть подразумевает под собой определенную ситуацию и уже сформировавшееся к ней отношение, стремление донести конкретные идеи, взгляды [Шейгал 2004: 18]. Другими словами, он оказывает агитационное воздействие на читателя/слушателя и потому характеризуется эмоциональностью, что требует при переводе сохранения особенностей культуры. В противном случае неполный или неточный перевод вследствие искажения оригинала, которое допустимо при переводе художественных текстов, может привести к усложнению политической ситуации, политическому конфликту или более серьезным последствиям. Во избежание неприятных или даже опасных результатов перевод политического дискурса требует не только хорошего знания языка и переводческих трансформаций, но и обширных фоновых знаний, в данном случае – в сфере политики.

Большую опасность для перевода представляют собой слова и выражения, оскорбляющие чувства и достоинство человека, к чему можно отнести расовую и половую дискриминации, возраст, социальное положение. Нормы политкорректности требуют повышенного внимания и аккуратности к поиску и применению аналогов к части исходного сообщения.

Для американской лингвокультуры характерной чертой является стремление к гармонии между людьми, которая выражается в упущении

наименований слишком бедных или слишком богатых людей. Более того, для выступлений американских политических деятелей характерно использование выдержек из таких документов, как Декларация Независимости, Билль о правах [Аносова 2013: 219]. Стоит заметить, что при переводе такие приемы не произведут должного впечатления на русскоязычного читателя именно по причине разницы лингвокультурологических особенностей. В подобных ситуациях замена прецедентного текста оригинала на прецедентный текст языка оказывается оправдана, но лишь при условии сохранения коммуникативного эффекта высказывания [Аносова 2013: 222].

Обращения, адресованные политическими деятелями, лидерами, чьи слова имеют немалую ценность перед народом, требуют от говорящего особой осмотрительности в использовании лексики, затрагивающей темы деликатного характера (расовая принадлежность, возраст, неудовлетворительный уровень жизни отдельных слоев населения) и военной направленности (оружие, террористические акты, миграция, военные действия). Подкрепляя людей обещаниями о стабильности, процветании, благополучии, политические лидеры в своих речах приукрашивают действительность путем сокрытия негативных фактов, явлений, которые невозможно не упомянуть, но которые можно смягчить и избежать внимания, которое в противном случае могло бы быть на них акцентировано. Предполагается, что такие материалы политических речей содержат огромное количество завуалированных понятий, к которым из необходимости прибегают политические деятели.

Таким образом, публичная речь, с одной стороны, обладает необходимостью толерантного отношения к другим культурам, идеям, стремлениям, что позволяет нам говорить о возрастающей вероятности использования средств реализации политической корректности – эвфемизмов; и с другой стороны – агрессивностью, жестким настроем и решительностью с целью получения и сохранения власти, стремлению к личной адресности для

создания доверительной и благоприятной обстановки, что будет являться предпосылкой для использования дисфемизмов в речи.

Подготовленная речь политика содержит немало стилистических средств для успешного воздействия на сознание людей, однако фокус нашего внимания направлен на использование политическими деятелями эвфемизмов и дисфемизмов в своих выступлениях. Для проведения анализа англоязычных текстов публичных речей и их переводов на русский язык необходимо ознакомиться с понятиями «эвфемизм» и «дисфемизм», а также изучить способы их передачи с одного языка на другой.

1.3 Понятия «эвфемизм» и «дисфемизм» в лингвистике

Средства массовой информации выступают основной сферой реализации политического дискурса. Одной из наиболее важных целей, реализующихся в медиатекстах, является влияние на аудиторию, а какое именно-определяет наличие тех или иных языковых средств, присущих текстам с политической проблематикой. Наиболее интересно использование в таких текстах явлений эвфемизации и дисфемизации.

Существует множество определений эвфемизма. Его рассматривали такие ученые, как Б.А. Ларин, считающий, что эвфемизм по семантической структуре является одной из разновидностей тропа; Е.И. Шейгал, Е.К. Темирбаева и другие. Остановимся на следующем понятии эвфемизма, которое представляет собой наиболее целостную и обобщенную характеристику этого явления. Эвфемизм (от греч. Euphemeo – говорю вежливо) – эмоционально нейтральное слово или выражение, служащее для прикрытого обозначения предмета или явления, прямое наименование которого представляется в данной ситуации невозможным ввиду грубости и нарушения норм приличия. Для наглядности можно проиллюстрировать данное определение некоторыми примерами.

К одним из первых случаев употребления эвфемизма относится замена грубого «негр» на более нейтральное «афроамериканец». Этот эвфемизм

относится к сфере расовой принадлежности, являющейся одной из традиционных сфер деятельности. Б.А. Ларин выделяет личные сферы эвфемизации, которые касаются личности человека, некоторых физиологических процессов, определенных частей тела, явлений, таких как болезнь и смерть и т.д. Согласно Л.П. Крысину, существуют следующие области употребления эвфемизмов, относящихся к сфере социальной жизни:

1) Дипломатия, где использование эвфемизмов необходимо ввиду невозможности употребления лишь прямых номинаций с целью решить определенные коммуникативные задачи. Такие распространенные выражения, как «пойти на крайние меры», «соответствующие инстанции» смягчают резкие и прямые наименования явлений и процессов и придают дипломатическим отношениям официальность, нейтральность и сдержанность.

2) Действия и меры, предпринятые властями. Например, такие эвфемизмы, как «высшая мера уголовного наказания» (что маскирует понятие «смертная казнь»), «задержать» (употребляемое вместо «арестовать») прикрывают вынужденные агрессивные действия со стороны государства по отношению к гражданам.

3) Государственные и военные тайны и секреты относятся к сфере, требующей наиболее осторожного применения специальной лексики, поскольку эта сфера уже предполагает скрытность, вуалирование действительности, избегание упоминаний о каких бы то ни было событиях, намерениях. К примеру, «разработка необычных видов оружия», «нетрадиционные формы войны» и т.д. являются эвфемизмами в этой сфере.

4) Отношения между различными социальными группами: «этническая чистка» – уничтожение лиц, не принадлежащих к господствующей нации, «группы повышенного риска» – выражение для обозначения наркоманов, гомосексуалистов и других групп лиц, имеющих большую вероятность заражения опасными заболеваниями [Киреева 2013: 11].

Нами были рассмотрены некоторые сферы употребления эвфемизмов, предложенные Л.П. Крысиным. Все они демонстрируют необходимость употребления эвфемизмов почти в каждой области человеческой деятельности. Это можно объяснить тем, что на разных ступенях человеческого развития возникающие верования, стереотипы и запреты имеют последующее влияние на современную действительность, что обусловлено культурными особенностями и тенденциями современного цивилизованного общества к воздержанию от употребления грубых и непристойных выражений.

Обратный процесс эвфемизации – явление дисфемизации. Обратимся к определению понятия «дисфемизм».

Дисфемизм – это намеренно резкая форма выражения эмоциональной оценки, замена стилистически нейтрального слова или выражения грубым, сниженным. Так, он используется для намеренного нарушения корректности даже в сфере дипломатии, где основная его цель – дискредитации речевого партнера [Матвеева 2010: 158]. Однако использование дисфемизмов не стоит сводить только к выражению грубости, т.к. в некоторых культурах они широко распространены в речи, например, во избежание сглаза по отношению к женщинам, детям, предметам.

В отличие от эвфемизмов, дисфемизмы изучены недостаточно и лишь упоминаются в работах лингвистов как противоположное явление эвфемизации и рассматриваются через призму эвфемизмов, сопоставляя и противопоставляя их, однако они так же получают все большее распространение. Употребление дисфемизмов реализуется в тех же сферах, в которых распространено использование эвфемизмов: личная сфера и сфера социальной жизни; их функции полностью противоположны функциям эвфемизмов. Среди них: 1) оскорбление, обвинение, упрек; 2) понижение социального статуса, репутации оппонента, его дискредитация; 3) угроза; 4) самоутверждение посредством дисфемии. Все эти функции подразумевают манипулирование оппонентом; а в сфере политических отношений – еще и

настраивание сторон против друг друга. Отдельно выделяется игровая функция, не подразумевающая никакой агрессии или гнева, которую рассмотрела А.Н. Резанова в статье «Игровой аспект дисфемии через призму теории карнавализации». Такие эвфемизмы носят шуточный, безобидный характер.

К причинам более широкого употребления дисфемизмов можно отнести: 1) уменьшение запретов в современном обществе и обретение большей свободы, в частности, свободы слова; 2) актуальность «игровой» составляющей речи 3) более открытое и раскованное психологическое состояние современного человека.

Таким образом, нами были рассмотрены общие понятия «эвфемизм» и «дисфемизм», а также сферы их употребления и функции, которые реализуются в каждой сфере. Информационная составляющая уходит на второй план и уступает место воздействующей задаче, которая состоит в том, чтобы сформировать у аудитории положительное или отрицательное отношение к происходящему. Стоит заметить, что функции эвфемизмов направлены на содействие успеху коммуникации, а функции дисфемизмов – на отрицательное воздействие, не гарантирующее успех коммуникации.

1.4 Способы образования эвфемизмов и дисфемизмов

Далее нами будут рассмотрены способы образования эвфемизмов и дисфемизмов. Наиболее последовательная и детальная классификация способов образования эвфемизмов представлена Б. Воррен, которая связывает процесс эвфемизации с двумя видами изменений: формальное и семантическое. Формальное изменение подразделяется на три большие группы: 1) с помощью словообразовательных средств; 2) с помощью фонетических изменений; 3) с помощью заимствований. Словообразовательные средства, в свою очередь, делятся на: 1) сложение слов; 2) аффиксальное словообразование; 3) оноματοпею; 4) инициальную

аббревиацию; 5) безаффиксальное словообразование (конверсию). К фонетическим изменениям, лежащим в основе образования эвфемизмов, Б. Воррен относит паронимическую замену. Метафорический перенос, прием конкретизации и генерализации значения, метонимия, литота – все это разновидности семантического изменения. Отдельно выделяется прием фразеологического эллипсиса, который попадает в группу формально-семантических способов образования эвфемизмов [Резанова 3008: 277]. Для дисфемизма свойственно образование посредством гиперболы.

Классификации дисфемизмов по способам образования встречаются в небольшом количестве. Е.А. Сидельникова на основании анализа публицистического текста политических газет выделяет следующие способы образования и бытования дисфемизмов: 1) прямая номинация негативных событий в экономической сфере; 2) грубое и непристойное обозначение изначально нейтрального понятия; 3) «устаревание» некогда бывших эвфемизмов. Эта классификация рассматривает явление дисфемизма не вообще, а только лишь в рамках дискурса публицистического текста.

Итак, для рассмотрения нами были выбраны общие классификации способов образования эвфемизмов и дисфемизмов; теперь необходимо перейти к способам эвфемизации непосредственно в политическом дискурсе. Е.И. Шейгал в своей работе «Политический дискурс» выделяет три больших блока, которые, в свою очередь, подразделяются на более мелкие группы:

- 1) перекодировка с заменой оценочного знака;
- 2) снижение категоричности констатации факта.

- Описательная парафраза (с помощью такого приема достигается эффект «распыления» значения на несколько слов, что уводит фокус от существующей проблемы; чем короче высказывание – тем сильнее концентрация мысли)

- Градация

- а) Преуменьшение степени полноты действия (что позволяет снять ответственность за слишком резкую номинацию)

- b) Преуменьшение масштабов охвата
- 3) увеличение референциальной неопределенности
  - Расширение объёма референции
  - a) Редукция (синтаксическая – с помощью изъятия семы участника; семантическая-посредством редукции нежелательной семы)
  - b) Генерализация (родовой термин, слово широкой семантики, квантор неопределенности, штамп)
  - Затемнение внутренней формы (с помощью малоизвестных публике сложных терминов, в основе которых лежат заимствования) [Шейгал 2004: 259]

Основой нашего дальнейшего исследования послужит классификация Е. И. Шейгал, так как она наиболее полно и развернуто представляет способы образования эвфемизмов непосредственно в политическом дискурсе и охватывает не только лексический, но и синтаксический уровни. Однако, классификация Б. Воррен включает в себя метафорический перенос как способ образования эвфемизмов. Исходя из этого, можно выделить два основных уровня и распределить по ним основные блоки эвфемизации, представленные Е.И. Шейгал, при этом добавив метафору как способ образования эвфемизмов (см. прил. 4).

Дисфемизмы обладают общими с эвфемизмами принципами построения, и их образование происходит с помощью одних и тех же способов: семантического сдвига, метафоры, метонимии. Этот список можно дополнить гиперболой, что характерно только для дисфемизмов.

Таким образом, подробно рассмотрев классификацию эвфемизмов и дисфемизмов по способам образования, можно сделать следующий вывод: по сравнению с эвфемизмами, дисфемизмы не имеют полной и детальной классификации, поскольку они являются плохо изученными языковыми единицами, что говорит о необходимости дальнейшего изучения и разработки классификации дисфемизмов. Исходя из способов образования эвфемизмов, можно заметить, что они рассматриваются как номинативные единицы и по

большей части анализируются на лексическом уровне. Однако анализ эвфемизмов не ограничивается только лексическим уровнем; он так же предполагает наличие фонетического, морфологического, синтаксического и графического языковых уровней. Рассмотрим подробнее некоторые из них.

Эвфемизмы, образованные при помощи *графических средств* языка, являются «наименее интересным видом эвфемизма» [Санников 1999: 220]. Такие эвфемизмы образуются с помощью нескольких вариантов: опущение середины или конца слова, а также замена слова в письменной речи многоточием.

Фонетический способ образования эвфемизмов предполагает звуковую аналогию-замену неподходящего слова на более приемлемое в данной ситуации, сходное по звучанию [Кацев 1988: 80]. В основном это характерно для ругательств; такая звуковая аналогия не исключает необходимость донести до собеседника саму суть, формально лишь делая только отсылку к ней.

На синтаксическом уровне в качестве способов образования эвфемизмов выделяются: различные трансформации словосочетаний, эллипсис, замена утвердительной конструкции на отрицательную (описательный парафраз) и др. Синтаксические способы образования тщательно не изучены и являются одним из самых сложных для рассмотрения способов эвфемизации, предполагающие изменения структуры всего предложения, а не отдельного слова. Эта сложность является преимуществом в повышении манипулятивного эффекта, поскольку изменения на таком уровне распознать практически невозможно.

Итак, нами были рассмотрены основные языковые уровни эвфемизации, с помощью которых могут происходить преобразования не только на уровне одного слова или выражения, а также в самой структуре слова и на уровне целого предложения. Наличие такой многовариантности средств образования эвфемизмов предполагает необходимость более внимательного изучения и анализа языковых средств.

1.5 Функции эвфемизмов и дисфемизмов в политическом дискурсе

Теперь перейдем непосредственно к рассмотрению явления эвфемизации в политическом дискурсе. В.П. Москвин считает необходимым разграничивать понятия эвфемии и дезинформации, поскольку первое предполагает камуфлирование и смягчение действительности, а второе – намеренное искажение информации [Москвин 2001: 58]. Эвфемизмы являются неотъемлемой частью *политической корректности*, которая «выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинство индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.» [Тер-Минасова 2000: 120] Понятие политической корректности неразрывно связано с понятием вежливости. Стоит заметить, что явление дисфемизации, прямо противоположное явлению эвфемизации, предполагает не политическую корректность, а скорее, наоборот, намеренное нарушение норм политической корректности, поскольку достижение одной цели – воздействие на аудиторию, манипулирование – осуществляется благодаря разным функциям и разным задачам, стоящим перед эвфемизмами и дисфемизмами. Е.И. Шейгал выделяет следующие функции эвфемизмов в политическом дискурсе:

- **Нейтрализация остроты социальных проблем, их преуменьшение, которое приводит к снятию общественной напряженности (например, экономические проблемы, проявления социального неравенства, несправедливости, разного рода дискриминации)**
- **Камуфлирование совершения неправых и аморальных действий с целью избежать общественного осуждения**

- Избегание потери лица (к потере лица относится снижение статуса политических деятелей; для страны это может грозить утратой территорий, санкциями, потерей союзников)
- Реализация принципа вежливости («спасение» политического субъекта с более низким статусом)
- Завоевание поддержки тех или иных политических сил
- Перераспределение вины (формулировка проблемной ситуации таким образом, что она представляется не как результат чей-либо вины, а как исход естественного развития событий) [Шейгал 2004: 237]

Рассмотрение основных функций эвфемизмов, реализуемых в политическом дискурсе, позволяет нам утверждать, что функции дисфемизмов прямо противоположны, т.к. они несут функцию преднамеренного негативного языкового посыла [Бех 2017: 7].

Являясь наиболее эффективным инструментом воздействия на сознание людей, эвфемизмы и дисфемизмы таким образом становятся средством манипулирования. Под *манипулированием* понимается «господство над духовным состоянием людей, управление им путем навязывания людям соответствующих стереотипов мышления и поведения» [Крысин 1994: 127]. Для современных СМИ характерно речевое манипулирование, которое реализуется во многих политических текстах благодаря использованию лексических единиц, вызывающих определенные ассоциации. Манипуляция осуществляется посредством использования эвфемизмов, с помощью которых способ передачи информации оказывается более эффективным, чем прямое воздействие на человека. Преимущество состоит в дефиците времени, за которое практически невозможно вычленив эвфемизмы из контекста и осмыслить их, и к тому же обратиться к второстепенным значениям, скрывающимися за ними, так как информационный поток (в особенности если это выступление политика) затрудняет ориентацию в языковом материале и

его оценивание [Демьянков 2002: 148]. Эвфемизмы, в отличие от дисфемизмов, имеют меньше шансов быть «распознанными» даже в политическом тексте СМИ, не говоря уже о речи политического деятеля, которая сопровождается правильно подобранной интонацией, заранее подготовленными фразами, клише. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что политическое речевое манипулирование, осуществляемое скрытно, является отдельным пунктом для исследования.

Говоря об использовании дисфемизмов в текстах политической тематики, необходимо подробно рассмотреть оппозицию «свой-чужой», которая подразумевает наличие оценочного суждения [Алиева 2012: 182]. Любое военное столкновение отражается в политических СМИ разделением общества на два полюса: «свои» и «чужие» (противники). Эта оппозиция предполагает сильнейшую манипуляцию «рядовых» граждан. Оценочность (хорошо или плохо) можно сопоставить с оппозицией «свой – чужой». Яркое проявление этого процесса можно наблюдать в логической цепочке: коммунист, нацист – «чужой», значит плохой; либерал, демократ – «свой», значит хороший. Использование позитивно заряженной политической лексики больше характерно для обозначения «своих», и наоборот, слова Nazism, racism вызывают у человека негативные ассоциации, определенно указывают на что-то плохое, неправильное, чужое и опасное. Таким образом, манипулирование сознанием читателя происходит без особых усилий, и даже если он имеет расплывчатое представление о значении подобных слов, оценочный знак, стоящий за специфическим политическим термином, будет для него вполне узнаваем. Такая политическая негативно-оценочная лексика зачастую является политическими ярлыками, закрепившимися за определенными лицами/группами людей [Алиева 2012: 182].

Ознакомившись с характеристикой оппозиции «свой-чужой», можно провести аналогию с эвфемизмами и дисфемизмами и их функционированием в политических текстах. Для заглаживания негативных процессов, действий, результатов, а также для обозначения «своих» и их характеристики

используется явление эвфемизации; с другой стороны действия «чужих», противников, нежелательных лиц преувеличиваются с помощью гиперболы, которая является одним из самых распространенных способов образования дисфемизмов. Следует заметить, что не все действия в политическом мире характеризуются одинаково. Например, термин «терроризм» подразумевает под собой противоправные действия, совершенные «чужими», вызывают у читателя чувство агрессии и опасности, однако для обозначения действий, совершенными «своими» и приведшими к массовой гибели людей, этот термин не используется.

Явления эвфемизации и дисфемизации рассматриваются в рамках следующих тем: военные действия/военные конфликты, внешняя/внутренняя политика; социальные проблемы, связанные с иммиграцией и многие другие. Политическая сфера тесно переплетается с другими сферами общественной жизни, такими как социальная и экономическая. Возникающие проблемы в одной сфере неизбежно сказываются на другой. Люди, недовольные уровнем своей жизни, прежде всего обращаются к «верхам»; волнения среди недовольных граждан, связанные с негативным отношением к наплыву иностранцев, тоже являются серьезной проблемой. Опасность прямой номинации событий в политической сфере объясняет необходимость формирования и использования определенной лексики, так как волнение всегда порождает волнение, и именно язык является мощнейшим регулятором сознания людей.

1.6 Способы перевода эвфемизмов и дисфемизмов в политическом дискурсе

Перевод эвфемизмов и дисфемизмов является непростой задачей для переводчика, так как требует повышенного внимания не только к самим лексическим единицам и контексту, в котором они реализуются, но и к фоновым знаниям, и в нашем случае это знание политического содержания

той или иной ситуации. Реализация перевода эвфемизмов и дисфемизмов происходит путем нахождения эквивалентов в языке перевода, а также посредством таких переводческих приемов, как: *переводческое транскрибирование, калькирование, конкретизация, добавление, описательный перевод, приближенный перевод, эквивалентное и вариантное лексическое соответствие.*

Эвфемизмы как сложное и противоречивое явление в языке имеют многообъемный характер, именно поэтому не следует ограничиваться лишь главным значением слова, но также учитывать и второстепенные значения, которые реализуются в различных речевых ситуациях. Не стоит забывать, что перевод осуществляется не только с языка на язык, но и с культуры на культуру [Аносова 2013: 224]. К сожалению, далеко не все эвфемизмы, особенно политкорректные, зафиксированы в словарях, что в разы усложняет перевод.

Метод *добавления*, требующий развернутых комментариев, реализуется в первую очередь в переводе безэквивалентной лексики, так как эвфемизмы и дисфемизмы не могут быть рассмотрены вне связи с характерными для той или иной культуры особенностями и без учета сложившейся политической, экономической и социальной ситуаций. По большей части дословный перевод некоторых выражений, например, с английского языка на русский, не обеспечит понимание русскоязычному читателю. Потребуется поиск в специализированных политических словарях, который все равно не дает гарантии правильного понимания слова или выражения, учитывая контекст и задумку автора текста или речи. Не стоит забывать, что политический текст (и в частности публичная речь) ориентирован на массового читателя/слушателя и должен быть сформирован доступным и понятным образом.

Метод *конкретизации* предполагает более точное определение вместо обобщенных вариантов перевода и очень близок к методу добавления. Если конкретизация невозможна по каким-либо причинам, необходим опять-таки

лингвистический комментарий, то есть перевод с помощью метода добавления.

К остальным методам перевода можно отнести *калькирование* и *транслитерацию*, использование которых возможно в тех случаях, когда существует уже сформировавшееся соответствие между единицами языков исходного и переводного текста. Использование метода калькирования будет успешным при переводе политкорректных эвфемизмов. При этом важно отметить, что эффективность манипулятивного воздействия эвфемизмов заключается в имплицитном, или скрытом, способе передачи информации, когда процесс воздействия на сознание людей не осознается.

Теоретически, перевод дисфемизмов представляет меньше проблем, поскольку не скрывает денотат. Ко многим понятиям и наименованиям можно подобрать свой эквивалент, и все же, дословный перевод не всегда имеет успех в связи с отсутствием денотативно и коннотативно эквивалентного выражения в языке перевода.

Таким образом, можно утверждать, что перевод эвфемизмов является контекстно зависимым, и, исходя из этого, сделать вывод о нераспространенности таких приемов при переводе, как калькирование и транслитерация, поскольку главным препятствием для адекватного перевода эвфемизмов и дисфемизмов является несогласованность понятийных систем разных языков.

ВЫВОДЫ по Главе 1

В первой главе мы обратились к понятию «политический дискурс» и рассмотрели его основные характеристики. Далее мы обратились к лингвостилистическим особенностям речи публичного деятеля и выявили важность использования стилистических средств в речи, в особенности таких как эвфемизмы и дисфемизмы, к понятиям которых мы обратились далее. Также мы рассмотрели подробную классификацию по способам образования на лексическом и синтаксическом уровнях и пришли к выводу о возможности образования дисфемизмов только на лексическом уровне. Нами были проанализированы функции и способы образования эвфемизмов и дисфемизмов в политическом дискурсе и выделены два основных уровня образования эвфемизмов, которые послужили основой для дальнейшего исследования. В заключении мы рассмотрели основные особенности перевода политической речи публичных деятелей и способов перевода встречающихся в них эвфемизмов и дисфемизмов.

Глава 2. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ И ДИСФЕМИЗМОВ В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В ходе исследования нами было проанализировано 7 речей политических лидеров США (Д. Трамп (3) и Б. Обама (1)) и Великобритании (Д. Кэмерон (1) и Т. Мэй (2)), среди которых – первое выступление Дональда Трампа на сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

2.1. Эвфемизмы и дисфемизмы в речи Д. Трампа на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (19.09.17)

Эта речь представляет особый интерес для анализа, поскольку она содержит критику Трампа в адрес Северной Кореи и Ирана. Соответственно, заранее можно предположить, что нападки со стороны политика будут характеризоваться скрытым характером и вероятным использованием большого количества эвфемизмов, учитывая так же и тот факт, что выступление Трампа, прежде всего, характеризуется обращением к мировым лидерам стран.

Речь Дональда Трампа начинается с подведения экономических и политических итогов, где он представляет факты, которые по-разному отражают ситуацию в стране. Далее, в предложении *rogue regimes represented in this body not only support terrorists but threaten other nations and their own people with the most destructive weapons known to humanity* он поднимает проблему угрозы экстремистов и террористов для страны, используя выражение *rouge regimes*, которое переводчик определил как *режимы-изгой* с помощью метода калькирования. В словаре Мультигран это словосочетание имеет несколько переводов: *страна-изгой, нелегитимный/преступный режим; дословно такое выражение можно перевести как государства-*

«хулиганы»/ «негодяи». Это устоявшееся политическое клише, используемое для обозначения стран, угрожающих миру на Земле [Википедия]. Согласно документу «Стратегии национальной безопасности», одна из характеристик таких политических режимов оказание помощи терроризму в глобальном масштабе, о чем и упоминает в своей речи американский президент. Обращаясь к контексту, можно утверждать, что такое выражение несет дисфемистический характер и демонстрирует решительный настрой Трампа против терроризма и стран, играющих роль в его осуществлении. Словосочетание *rouge regime* приобрело статус политического клише и стало общепринятым. С целью дискредитации оппонентов и запугивания, а также для призыва граждан соблюдать осторожность, это определение вполне можно отнести к лексико-семантическому разряду дисфемизмов, а именно – дисфемизмам, относящимся к широкому кругу криминальной сферы, поскольку такие страны представляют угрозу обществу в целом и связаны так или иначе с террористическими действиями. Особый интерес представляют следующие предложения:

1. [American people] will emerge from these hardships *more determined than ever before* [Перевод: Он переживет эти трудности и невзгоды, проявив *больше* решимости, *чем когда бы то ни было*].

2. ...because of our regulatory and other reforms, we have *more* people working in the United States today *than ever before* [Перевод: ...благодаря нормативно-правовым и прочим реформам сегодня в США работает *больше* людей, *чем когда бы то ни было*].

3. In fact, our country has achieved *more* against ISIS in the last eight months *than it has in many, many years combined* [Перевод: За последние восемь месяцев наша страна в борьбе с ИГИЛ сделала гораздо *больше, чем за многие годы*].

4. The American people hope that one day soon the United Nations can be a *much more accountable and effective* advocate for human dignity and freedom around the world.

5. Our military will soon be the strongest *it has ever been* [Перевод: скоро наши вооруженные силы будут *самыми сильными, какими они были всегда*].

Американский президент использует наречие сравнительной степени *more* (больше, чем...), что является очень хитрым ходом, так как уже предполагает наличие этого в прошлом, в данном случае – наличие работающих людей, наличие решимости и т.д., даже если в действительности этого и не было вовсе. Е.И. Шейгал в работе «Политический дискурс» обозначает это понятием градации, которая является способом эвфемизации в политическом дискурсе. Образование данных эвфемистических выражений осуществляется на синтаксическом уровне, который характеризуется малой изученностью. Следовательно, на данном уровне мгновенное распознавание эвфемизмов затруднительно, что и является преимуществом говорящего, так как манипулятивный эффект достигает своего максимума. Перевод конструкций осуществляется посредством калькирования, поскольку в речи политика эвфемизм «прячется» в конструкции *more...than ever before* и на первый взгляд совершенно не вызывает подозрений. Поэтому перевод передает с точностью скрытый смысл в словосочетании *больше, чем когда бы то ни было*. В русском языке эта фраза обладает очень сильным эффектом, подразумевая под собой «никогда такого не было» (даже не поддается сравнению, что было и что сейчас) и еще больше возвышает успехи публичного деятеля. Кроме того, Дональд Трамп построил свою речь таким образом, что эти высказывания расположены рядом друг с другом и создают «тройной эффект» успешного манипулирования, рисуя очень привлекательную картинку современной политической и экономической ситуаций.

Необходимо обратиться к переводу пятого предложения. Его можно было бы перевести так: «скоро наши армия и флот обретут такую силу, какой еще не было раньше». Поскольку превосходная степень прилагательного *the strongest* должна быть переведена соответствующим образом, то

использование сравнительной конструкции *чем когда бы то ни было* уже невозможно, так как применимо только в сочетании со сравнительным наречием *больше*. Поэтому можно объяснить выбор выражения *какими они были всегда* тем, что переводчик хотел усилить эффект воздействия скрытого эвфемизма и передать решительность и веру президента в вооруженные силы США, приукрасив действительность тем, что «так было всегда».

В своем высказывании *international criminal networks traffic drugs, weapons, people; force dislocation and mass migration; threaten our borders; and new forms of aggression exploit technology to menace our citizens* Дональд Трамп использует завуалированное понятие *forms of aggression*, вероятнее всего, подразумевая под этим оружие массового поражения. Стоит заметить, что ранее в речи он уже использовал прямой номинант *destructive weapons*, однако в этом случае он не стал вдаваться в подробности, какие именно «формы агрессии с использованием (в результате использования) инновационных технологий» могут существовать, потому что, скорее всего, их много и они очень опасны; тем более что до этого он перечислил всевозможные угрозы для своего народа: *criminal networks, traffic drugs* и т.д. Исходя из классификации В.В. Панина, эвфемизм *forms of aggression* можно отнести к группе идеологических эвфемизмов, отвлекающих внимание от негативных явлений действительности, а именно-прикрытие агрессивных военных действий [Панин]. Данный эвфемизм образован с помощью гиперболизации, а именно – посредством расширения семантического значения.

Перевод был осуществлен с помощью метода калькирования, и «*формы агрессии*» передали попытку говорящего слегка замаскировать действительность: ведь все понимают, о чем речь, однако по большей части смутно представляют себе то, что за этим скрывается.

Далее, говоря о важных ценностях, изложенных в Уставе ООН, президент США произносит: «Our citizens have *paid the ultimate price* to defend our freedom and the freedom of many nations represented in this great hall». Перевод следующий: «Наши граждане порой *ценой собственной жизни*

защищают нашу свободу и свободу многих других стран, представители которых находятся в этом зале». В переводе на русский фраза *ultimate price* означает «самая страшная цена», то есть «заплатить самую страшную цену» – значит отдать собственную жизнь; нейтральное понятие – умереть. Если обратиться к сферам употребления, эвфемизм *pay the ultimate price* относится к личной сфере эвфемизации, которую выделяет Б.А. Ларин. Она касается личности человека и в частности -физиологических процессов и явлений, т.е. смерти. Данный эвфемизм образован с помощью метафорического переноса. Оратор, несомненно, стремится к тому, чтобы скрыть этот неприятный факт. Более того, в данной ситуации президент говорит о «наших гражданах», тем самым объединяет государство и его жителей. И так как он является защитником народа и представителем его интересов, ответственность за поступки людей возлагается и на государство. Формулировка *our citizens have paid the ultimate price to defend our freedom* передает ощущение его личной гордости за людей, которые совершают благородный поступок, жертвуют своими жизнями ради благой цели – защищать свободу людей. Если бы речь шла о действиях, наоборот, направленных против американского народа, употребление данного эвфемистического выражения было бы неоправданно и неуместно. Если вспомнить оппозицию «свой-чужой», широко используемую в политическом дискурсе с целью дискредитации «чужих» и оправдания (или одобрения) «своих», то это как раз тот случай.

Интересно заметить, что перевод осуществлен не буквально, и «цена собственной жизни» явно указывает на смерть человека. Тут уже встает вопрос о различии культур. Если словосочетание *самая страшная цена* еще как-то обходит тему смерти и даже в сфере рекламы присутствует такой перевод этого выражения, как «окончательная цена», то в русской культуре «цена собственной жизни» не имеет других коннотаций. Более того, выражение «ценой жизни» имеет следующий перевод: *at the expense of one's life*. Следовательно, можно сделать вывод о том, что переводчик неспроста выбрал именно такое выражение. Вероятнее всего, он хотел подобрать

эквивалент, который наверняка бы был понят в русскоязычной культуре. Так как это выражение широко распространено, например, в художественной речи и не вызывает особой тревоги, а наоборот, обладает характером торжественности, возвышенности и приятно по звучанию, выбор данного выражения оказывается вполне удачным.

Далее Трамп переносит центр своего внимания непосредственно на Северную Корею, и в предложении «No nation on earth has an interest in seeing *this band of criminals* arm itself with nuclear weapons and missiles» открыто дискредитирует существующий в ней режим. [Перевод: «Ни одна страна на нашей планете не хочет, чтобы эта *банда преступников* вооружилась ядерным оружием и ракетами»]. Еще одно его высказывание:

If the righteous many do not confront the *wicked few*, then evil will triumph [Перевод: «Если добропорядочное большинство не станет бороться с *порочным меньшинством*, в мире возобладает зло»]. Данное высказывание содержит в себе явный дисфемизм – словосочетание *wicked few* (в переводе «порочное меньшинство»), который с одной стороны, оскорбляет чувства того, кому это адресовано, и снова выполняет функцию дискредитации противника; но с другой стороны, не называет адресата, при этом позволяет слушателю/читателю догадаться самому. Это создает противоречивую ситуацию в выборе наименования для используемых здесь стилистических средств [Шейгал 2004: 258]. Дональд Трамп обобщает информацию и не называет конкретных «действующих лиц», также подразумевая и то, что *righteous many* – это и есть американский народ, который президент позиционирует как справедливое (в переводе «добропорядочное») большинство. Переводчик находит соответствующие эквиваленты и передает противопоставление *righteous – wicked, few – many*, осуществляя перевод, представленный выше.

Затрагивая тему террористов, в своем высказывании “We cannot let a murderous regime continue these *destabilizing activities* while building dangerous missiles, and we cannot abide by an agreement if it provides cover for the eventual

construction of a nuclear program” американский президент под словосочетанием *destabilizing activities* подразумевает нападения, убийства, финансирование террористических организаций, о чем он прямо говорит в предыдущей фразе. Это можно объяснить тем, что уже высказанное Трампом негативное отношение к противоправной деятельности Ирана с помощью словосочетания *murderous regime* смягчается обобщением и заменой слова широкой семантики (*destabilizing activities*=*дестабилизирующая деятельность*). Переводчик снова использовал метод калькирования, чтобы та неопределенность, которой хотел достичь оратор, передалась на русский язык. Цель автора – «напустить туман» путем обобщения и избегания перечислений.

Эвфемизацию на синтаксическом уровне представляет собой следующее высказывание:

No society can be safe if banned chemical weapons are allowed to spread.

На первый взгляд президент всего лишь констатирует факт, однако предложение построено таким образом, что скрывает подтекст опасности (*danger*) для людей. Иначе эта мысль могла бы выражаться так:

Society is in danger if (until) banned chemicals are allowed to spread.

Но в высказывании Дональда Трампа фигурирует и привлекает внимание слово *safe*, точнее слово *danger* не вызывает тревоги, потому что оно отсутствует. Нет слова – нет проблемы.

Предложения и высказывания такого рода не содержат в себе явных эвфемизмов. Они не искажают самой сути и не вызывают подозрений в недостоверности информации, однако они являются скрытыми манипуляторами. Успешность манипуляции состоит не в одноразовом употреблении высказываний такого рода в своем выступлении, а наоборот, чем больше – тем лучше.

Перевод этого предложения выглядит следующим образом:

Ни одно общество не может чувствовать себя в безопасности, если продолжается распространение запрещенного химического оружия.

Далее, президент США очень деликатно затрагивает проблему иммиграции, именуя беженцев «отчаявшимися людьми» (*horribly treated people*) и высказывает следующую мысль: *For the receiving countries, the substantial cost so far controlled migration are borne overwhelmingly by low-income citizens whose concerns are often ignored by both media and government* [Перевод: В странах, которые принимают у себя беженцев, от неконтролируемой миграции больше всего страдают граждане с низкими доходами, а средства массовой информации и государственная власть зачастую игнорируют их интересы и проблемы]. Часто встречающийся экономический эвфемизм, используемый для обозначения бедных слоев населения (*low-income* вместо *poor*) выражает политкорректность с целью не привлечь излишнего внимания к экономическим проблемам в стране, так как ответственность за них, прежде всего, лежит на государстве. Более того, политкорректный эвфемизм существует не только для обозначения бедных слоев населения, но и также состоятельных людей (*high-income*). Эти две крайности, существующие в любом обществе, имеют свои «смягчающие» варианты, тем более слово *income* подразумевает под собой людей, занимающих рабочие места (которые предоставляет государство), и значит, получающих прибыль, а *low* или *high*– зависит от самого человека (ответственность не на государстве, в то время как слово *poor* указывает на наличие экономических проблем). Способом эвфемизации является описательный парафраз, а для передачи этого эвфемизма используется описательный перевод.

2.2 Эвфемизмы и дисфемизмы в послании Трампа к Конгрессу США «О положении дел в стране» (06.02.19)

Проанализировав полный текст выступления Д. Трампа, содержащий итоги американской нации в разных сферах общественной жизни, и его

перевод на русский язык, можно обнаружить следующие лингвостилистические средства, характерные для его речи:

- Эвфемизмы и дисфемизмы, отражающие тему незаконной иммиграции

Особая проблема для президента, доставляющая огромные неприятности американскому народу и требующая решительных действий – это нелегальная иммиграция, которую он называет «общенациональным кризисом» (*national crisis*), начиная и завершая данную тему. Этот эвфемизм образован с помощью генерализации, путем замены слова с узким значением словом более широкой семантики, так как под означаемым «кризис» может прятаться любое означаемое, к примеру, «война», «экономический упадок», в данном случае – «незаконная иммиграция», преодолевающая слабоохраняемые американские границы. Интересно отметить, что для обозначения незаконно проникших /нелегально проживающих лиц (незаконных иммигрантов) президент использует словосочетания *illegal alien*, *criminal alien* и *criminal illegal alien* в следующих своих высказываниях:

1. Year after year, countless Americans are **murdered** by criminal *illegal aliens* [Перевод: Год за годом **нелегальные иностранные преступники убивают** бесчисленное множество американцев]

2. Just three weeks ago, Debra's parents, Gerald and Sharon, were burglarized and shot to death in their Reno, Nevada, home by an *illegal alien* [Перевод: Три недели назад **нелегальные иностранцы** ворвались в ее дом в Рино, штат Невада, и **убили** ее родителей]

3. In the last 2 years, our brave ICE officers made 266,000 arrests of *criminal aliens*, including those charged or convicted of nearly 100,000 assaults, 30,000 sex crimes, and 4,000 killings [Перевод: За два последних года наши отважные сотрудники иммиграционно-таможенной полиции арестовали 266 тысяч **нелегальных иммигрантов**, включая **обвиненных или осужденных** за 100 тысяч нападений, за 30 тысяч преступлений сексуального характера и за четыре тысячи убийств]

Стоит заметить, что именно в этих предложениях негативное отношение к незаконным иммигрантам не подлежит сомнению и объясняется их преступным поведением, представляющим опасность для американской нации. В этом случае словосочетания *illegal alien/criminal alien* стоит рассматривать как дисфемизмы, образованные с помощью метафорического переноса. В остальных выражениях политик ограничивается обозначением *illegal immigrants*. В то же время, для упоминания о легальных иммигрантах Д. Трамп использует фразу *legal immigrants* в предложении *Legal Immigrants enrich our Nation and strengthen our society in countless ways*, что отражает его положительное отношение к иммиграции только в том случае, если она совершается в рамках закона. Выбор переводчика пал на нейтральное выражение *нелегальные иммигранты/нелегальные иностранцы*, что можно объяснить возможным постепенным переходом *illegall aliens* из разряда дисфемизмов в разряд общепринятых политических выражений. Однако в данном контексте выбор распределения нейтральных выражений и выражений с более негативной коннотацией был сделан не случайно; это оправдывается существующей политической оппозиции «свой-чужой», и данный случай вне всяких сомнений демонстрирует агрессивный настрой по отношению к тем людям, кто осмелился незаконно пересекать границу и более того, совершать нападения и лишать жизни ни в чем не повинных американских граждан. Перевод был осуществлен с помощью эквивалентного соответствия, т.к. в словаре устойчивая фраза *illegal aliens* имеет соответствующую фразу в русском языке – *незаконные иммигранты*, однако этого недостаточно для перевода, если говорить о необходимости учитывать контекст, а именно существующую ситуацию, особенности отношения субъекта к данной ситуации, его предыдущие и последующие мысли и др.

- Эвфемизмы и дисфемизмы, фигурирующие в теме терроризма и войны

Интересным для рассмотрения представляется следующий пример высказывания Д. Трампа, касающегося террористических группировок: «*In*

Afghanistan, my Administration is holding constructive talks with a number of Afghan groups, including the Taliban» [Перевод: *В Афганистане моя администрация ведет конструктивные переговоры с несколькими афганскими группировками, в том числе, с «Талибаном»*]. Посредством семантического эллипсиса – редукции семы, входящей в прагматический фокус – как способа образования эвфемизма, политик упускает важную деталь, которая характеризует «Талибан» не просто как группу, а именно как террористическое движение (изымается сема *terroristic*). Упущение определения *террористический* не скрывает действительности, так как все понимают, о чем и о ком ведется речь; однако это выполняет функцию снижения волнения в обществе, тем более с учетом контекста («*holding constructive talks with a number of Afghan groups*») политик демонстрирует возможность решения проблемы путем конструктивных переговоров, хотя и это он ставит под сомнение, только в более мягкой форме. Перевод на русский язык осуществляется с помощью нахождения эквивалента: *Afghan group* (афганская группировка) нельзя перевести как *афганская группа*.

Далее, высказывание Трампа о затяжной борьбе с группировкой ИГИЛ «*our troops have fought with unmatched valor – and thanks to their bravery, we are now able to pursue a political solution to this long and bloody conflict*» [Перевод: *Наши войска сражаются с бесподобным мужеством и героизмом, и благодаря их отваге мы теперь можем заниматься поисками политического урегулирования этого долгого и кровопролитного конфликта*] содержит в себе скрытые семы «война», «битва», «борьба», но замена нежелательного наименования родовым термином «конфликт» вполне оправдана, так как усугублять напряженную ситуацию не менее напряженными словами не входит в планы политического деятеля в его обращении к народу. Нейтральное понятие *conflict* компенсируется прилагательными *long* и *bloody*, тем самым «сглаживая» предыдущие определения. Перевод осуществлен при помощи калькирования.

Упомянув про иранский режим как про главную поддержку террористических организаций, президент называет его «государственным спонсором террора» («leading state sponsor of terror»):

My Administration has acted decisively to confront the world's leading state sponsor of terror: the radical regime in Iran [Перевод: Моя администрация решительно противостоит ведущему государственному **спонсору терроризма**, каким является радикальный иранский режим].

В данном случае роль играет опять-таки компенсация; парадокс вызывают два неравноценных понятия, первое из которых (*sponsor*) подразумевает под собой человека с добрыми намерениями, осуществляющего деятельность, которая одобряется обществом; а второе (*terror*) – насилие, уничтожение, убийство и т.д. Теоретически, эти два понятия не могут быть объединены в одну фразу, однако существует официальный список государств-спонсоров терроризма, в который входят Иран, Северная Корея, Судан и Сирия; включение в этот список влечет за собой жесткие экономические и политические санкции со стороны США [Википедия]. В данном случае можно считать, что это выражение образовано с помощью эвфемистической замены и вместо длинной фразы *countries that have repeatedly provided support for acts of international terrorism* Трамп использовал более короткое словосочетание: *State Sponsors of Terror/Terrorism*. Перевод эквивалентен, и в русском языке существует политическое понятие «государства-спонсоры терроризма». Словарь дает нам несколько нейтральных переводов, например, «лица, поддерживающие терроризм» или «лица, финансирующие терроризм», но выбор таких вариантов перевода может оказаться неуместным в данном случае.

Пример, иллюстрирующий стремление избежать понятие «смерть», содержит в себе эвфемистическое выражение: «*In Afghanistan and Iraq, nearly 7,000 American heroes have given their lives* (вместо *погибли/были убиты*)» [Перевод: *В Афганистане и Ираке почти семь тысяч американских героев отдали свои жизни*] с целью подчеркнуть героизм американских солдат и

исключить вероятность восприятия такой героической смерти как насильственной и жестокой, смягчить реакцию на это необратимое явление. Выражение *have given their lives* подразумевает под собой самостоятельное принятие добровольного решения отдать свою жизнь, храбро защищая родину, тем самым ответственность переходит к отважным военнослужащим, которые, в дополнении ко всему, сражаются на Ближнем востоке уже 19 лет. Более того, эффект смягчения увеличивается благодаря тому, что выражение *отдать жизнь*, образованное с помощью метафорического переноса, имеет другое значение – «посвятить жизнь чему-либо/кому-либо». Перевод осуществлен путем нахождения эквивалентного словосочетания в переводном языке *отдать свои жизни*.

В речах Дональда Трампа наблюдается тенденция к использованию эвфемизмов не только на лексическом, но и на синтаксическом уровнях; однако преобладающий именно лексический. Дисфемизмы присутствуют в небольшом количестве. Возможно, что взятые нами для анализа речи президента США отличаются значимостью факторов социального контекста: целью, временем и местом коммуникативного события, о чем было сказано в Главе I. Например, выступления президента внутри страны, содержащие в себе так же и высказывания в отношении России, имели бы явные отличия.

2.3 Эвфемизмы и дисфемизмы в европейской речи Дэвида Кэмерона (23.01.13)

Далее мы перейдем к анализу европейской речи бывшего премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона и ее перевода на русский язык.

Интерес представляет следующие высказывания премьер-министра:

1. Why raise questions about Britain's role when support in Britain is already *so thin* [Перевод: Зачем поднимается вопрос о британской роли, когда поддержка в Британии уже настолько *истончилась*].

2. The result is that democratic consent for the EU in Britain is now *wafert thin* [Перевод: Результатом является то, что демократический консенсус относительно ЕС в Британии *истончился*].

Совсем незначительная поддержка Британии в ЕС, вероятнее всего, подразумевает под собой отсутствие поддержки как таковой, с помощью чего выражается недовольство премьер-министра существующим положением и условиями в ЕС. Чтобы скрыть этот факт и неодобрение политика, им используется эвфемизм, смягчающий существующее положение путем преуменьшения степени признака (полноты действия) [Шейгал 2004: 255]. Эвфемизм во втором предложении дословно переводится как «тонкий, как папиросная бумага», что характеризуется еще большей степенью тонкости. Перевод в обоих случаях осуществлен с помощью замены частей речи (в данном случае, составное глагольное сказуемое заменяется на глагол, обозначающий завершение процесса). Выбор такого варианта перевода можно объяснить необходимостью передать состояние «на грани» (такая тонкая [поддержка], что ее почти нет) и при этом сохранить эвфемизм в русском переводе. К предложениям, объединённым по способам эвфемизации на синтаксическом уровне, также можно отнести следующие:

1. The future shape of Europe *is being forged* [Перевод: Форма будущей Европы *еще только куется*] В то время как форма будущей Европы неопределенна, размыта, несформированная, вызывает сомнения.

2. These problems have been around too long and the progress in dealing with them, *far too slow* [Перевод: Эти проблемы накапливались слишком долго, и прогресс в решении их *идет слишком медленно*] Прогресса в их решении может и не быть вообще.

3. People are increasingly frustrated that *decisions taken further and further away from them* mean their living *standards* are slashed through enforced austerity [Перевод: Все чаще люди разочарованы тем, что *решения, принятые дальше и дальше от них*, означают понижение их уровня *жизни* через насильственную политику экономии]. Решения не

согласовываются с людьми, мнение людей не важно в принятии данных решений.

4. But when the single market remains incomplete in services, energy and digital – the very sectors that are the engines of a modern economy – *it is only half the success it could be*. [Перевод: Но когда Единый рынок остается неполным в сфере услуг, энергетике и информатике - в тех самых секторах, которые являются двигателями современной экономики - *это только половина того успеха, который мог бы быть*]. Маскируется мысль «отсутствие успеха».

5. Can we carry on with an organisation that has a multibillion pound budget but *not enough focus on* controlling spending and shutting down programmes that haven't worked? [Перевод: Можем ли мы вести дела с организацией, которая имеет бюджет в несколько миллиардов фунтов, *но недостаточно сосредоточена на* контроле расходов и закрытии программ, которые не работают?]

Все эти примеры демонстрируют эвфемистические замены, которые основываются на неопределенности, вызванной снижением категоричности констатации факта, а именно– градации и снижением полноты действия, что позволяет снять ответственность за слишком резкую номинацию [Шейгал 2004: 255]. Таким образом, автор слов не фокусирует внимание слушателей на действительности, которая скрывается за этими словами. Если бы политические деятели не формулировали предложения таким образом, то общая атмосфера их речей была бы угнетающей.

Примерами пространственных значений служат следующие предложения:

1. We will have to weigh carefully where our true *national interest* lies [Перевод: Мы должны тщательно взвесить, где лежит наш истинный *национальный интерес*].

2. But we don't leave Nato because it is in our *national interest* [Перевод: Но мы не оставляем НАТО, потому что это в наших *национальных интересах*].

Данные эвфемистические замены являются одними из лозунговых слов, выделенных Е.И. Шейгал как политические аффективы, благодаря которым осуществляется манипулирование, поскольку они обладают широким спектром значений и могут по сути замаскировать то, что нежелательно знать обществу. Поэтому очень трудно распознать скрывающиеся за ними конкретные обозначения. Подобное апеллирование к высшим ценностям Шейгал называет «магией слов». Перевод на русский язык осуществляется с помощью калькирования.

В ходе анализа речи Дэвида Кэмерона было установлено, что среди эвфемизмов, используемых политиком в своей речи, преобладающими оказались эвфемистические замены. Дисфемизмов почти не наблюдалось. Речь отличается высоким уровнем политкорректности, сложностью формулировок, аккуратными репликами и вежливыми обращениями.

2.4 Эвфемизмы и дисфемизмы в прощальной речи Б. Обамы (11.01.17)

В прощальной речи Барака Обамы встречается следующее высказывание:

«For too many of us, it's become safer to retreat into our own *bubbles*, whether in our neighborhoods or college campuses or places of worship or our social media feeds, surrounded by people who look like us and share the same political outlook and never challenge our assumptions». [Перевод: Слишком многие из нас предпочитают уйти в свои *пузыри*, будь то в наших районах, университетских кампусах, местах богослужения или социальных медиа, и оставаться окруженными людьми, которые похожи на нас, разделяют наши политические взгляды и не оспаривают наши предположения]. Дисфемизм *bubbles* содержит не столько посыл с целью обидеть кого-то или дискредитировать, сколько

иронию, и употребляется президентом для того, чтобы продемонстрировать разъединённость людей, их склонность к изоляции, неумение апеллировать достоверными фактами, бездействие. Данный дисфемизм, который образован с помощью метафоры, скорее используется для усиления речевой экспрессивности, чтобы осуществить манипуляцию людьми путем указания на их ошибки, дать понять, что ответственность лежит не только на государстве. Перевод осуществляется методом калькирования.

Для обозначения сексуальных меньшинств Барак Обама использует аббревиатуру *LGBT*:

That's why we cannot withdraw from global fights to expand democracy, and human rights, women's rights, and *LGBT rights* no matter how imperfect our efforts, no matter how expedient ignoring such values may seem [Перевод: Вот почему мы не можем отказаться от глобальной борьбы за распространение демократии, защиты прав человека, *прав* женщин и *ЛГБТ*].

Предложение “America is no fragile thing. But the gains of *our long journey to freedom* are not assured” содержит в себе эвфемизм *journey to freedom*, образованный с помощью метафорического переноса, истинное значение которого – *fight for freedom*. Многие подобные выражения, обозначающие борьбу за свободу, равенство, справедливость имеют агрессивный характер, так как в любой борьбе, пусть даже за высшие общественные ценности, кто-то терпит поражение. В данной ситуации политик выбрал именно это образное выражение, чтобы замаскировать неприятности, связанные с длительностью этого процесса (*long*). Ведь выражение *long journey to freedom* гораздо более невинной и приятней, чем словосочетание *long fight for freedom*; последнее может вызвать опасение и сомнения по поводу отсутствия результата на протяжении длительного времени. Калькирование послужило методом перевода на русский язык (*долгое путешествие к свободе*).

2.5 Эвфемизмы в выступлении премьер-министра Великобритании Терезы Мэй на пленарном заседании сессии Генеральной Ассамблеи ООН (20.09.16)

В своем первом выступлении на сессии Генеральной Ассамблеи ООН премьер-министр Великобритании Тереза Мэй подводит итоги о состоянии дел в стране и перечисляет представляющие наиболее опасную угрозу для общества проблемы, такие как глобальный терроризм, политическая нестабильность, нарушение прав и свобод человека и т.д. Следующее упоминание о них характеризуется выбором существительного *challenges*, которое в словаре определяется как «сложная и интересная задача». Фокус внимания смещается с определения существующего положения дел как тяжелого (если это слова *problems, difficulties*) на возможность решения поставленных задач. Использование именно этого эвфемизма не позволяет полностью избежать наименования неприятных событий, но дает возможность переключить оценочный знак на нулевой [Шейгал, 2004: 254].

Переводчик решил не сохранять существующий эвфемизм и подобрал эквивалент с негативной коннотацией, используя прием смыслового развития: *мы собрались здесь сегодня, потому что знаем, что эти бедствия не остановят границы индивидуальных государств, и что, только работая сообща, мы сможем их преодолеть*. Уместнее было бы сохранить и передать эвфемизм при переводе; например, слово «вызов» обладает тем же фокусом, что и в существительном *challenge*, который направлен на решение проблемы (результат важнее, чем состояние в данный момент).

Во многих своих высказываниях для упоминания вышеперечисленных значимых для государства проблем Тереза Мэй употребляет существительное *challenge*:

- So when it comes to the big security and human rights *challenges of our time*, we need this – our United Nations - to forge a bold new multilateralism. [Перевод: Когда мы имеем дело с серьезными *вызовами нашего времени*,

такими, как безопасность и соблюдение прав человека, нам необходимо, чтобы ООН выстраивала принцип новой смелой многосторонности.]

- Just as we need the United Nations to modernize to meet the *challenges of terrorism* in the 21st century... [Перевод: Мы нуждаемся в модернизации Организации Объединенных Наций для решения *проблем, связанных с терроризмом* в 21-м веке]

- So let us come together, true to our founding values but responsive to the *challenges of today* [Перевод: Поэтому давайте объединим усилия, оставаясь верными нашим основополагающим ценностям, но вместе с тем реагируя на *вызовы современности*]

В данных предложениях эвфемизм *challenge* используется в комбинации с другими словами, поэтому для определения способа перевода необходимо рассматривать его в контексте словосочетания. Во втором примере перевод осуществляется с помощью смыслового развития и добавления (*challenges* – это не проблемы, но правильность дословного перевода данного словосочетания ставится под сомнение), в третьем – посредством замены частей речи и генерализации (изменению подвергается и форма слова, и его значение, поскольку *today* не имеет перевода *современность* на русский язык).

Следующее высказывание Терезы Мэй: «Faced with challenges like migration, a desire for greater control of their country, and a mounting sense that globalisation is *leaving working people overboard*, they demanded a politics that is more in touch with their concerns; and bold action to address them» – содержит в себе эвфемизм *leaving overboard*, сформированный на фразеологическом уровне. Данное эвфемистическое выражение употребляется с целью смягчить упоминание о негативных последствиях глобализации для трудящихся. Перевод (дословный) на русский язык происходит с сохранением данного эвфемизма – *глобализация оставляет [часть населения] за бортом*.

Речь премьер-министра Великобритании Терезы Мэй не изобилует эвфемизмами и эвфемистическими словосочетаниями, а дисфемизмы и вовсе

отсутствуют, что характерно и для других политических деятелей этого государства.

2.6 Эвфемизмы и дисфемизмы в речи премьер-министра Великобритании Терезы Мэй на заседании генеральной ассамблеи ООН (26.09.18)

В ходе анализа речи Терезы Мэй удалось разбить примеры эвфемизмов и дисфемизмов на тематические группы:

- Эвфемизмы, используемые в сфере экономики

Нередкими в данном выступлении оказались примеры эвфемизмов, используемых для обозначения экономических процессов и современного состояния экономики в других странах.

Уже встречающееся ранее и используемое в других речах политическими деятелями обозначение *challenge* (вместо *problem*) проявляет свою эвфемистическую сущность и в выступлении Терезы Мэй: *and it is only global co-operation which can harness legitimate self-interest towards common goals, producing agreements on **global challenges** such as climate change, proliferation and increasing inclusive economic growth* [Перевод: И только глобальное сотрудничество позволяет обуздать вполне законные своекорыстные интересы и направить их на достижение общих целей, приводя к соглашениям по таким **глобальным вызовам** как климатические изменения, распространение оружия массового уничтожения и обеспечение всеобщего экономического роста]. В данном случае, как и в предыдущих, фокус положения дел смещается с самой проблемы на возможность ее решения. Так как премьер-министр делает акцент на «глобальности» проблем и приводит соответствующие примеры, то нет нужды останавливаться на слове «проблема» (*problem*). Перевод словосочетания – буквальный.

Следующая мысль Терезы Мэй содержит упоминание о неразвитых странах, которые она предпочла назвать «наименее развитыми», т.е. более

корректным способом: *this commitment takes account of the special requirements of least developed countries, and of small and otherwise vulnerable economies, and it benefits all our citizens and the wider world* [Перевод: В этом стремлении мы принимаем во внимание особые потребности **наименее развитых** стран, **маленьких** и **уязвимых** экономик, а также намерены действовать на благо всех наших граждан и мира в целом]. Учитывая условия коммуникации, в выборе данного эвфемистического выражения, образованного на синтаксическом уровне, есть необходимость, так как оно не содержит видоизменённую форму *undeveloped* (благодаря чему не делается акцент на отрицании развития страны), и полноценная форма *developed* остается в фокусе внимания. Более того, этот пример также демонстрирует наличие других эвфемизмов, образованных на лексическом уровне: *small, vulnerable* (economies) – которые характеризуют состояние экономик менее развитых стран с особенной осторожностью (не «слабые» сами по себе, а подвержены влиянию, т.е. причина извне; «маленькие» вместо «неразвитые»). Цель использования таких прилагательных – стремление премьер-министра продемонстрировать доброжелательное отношение Великобритании к проблемным странам и готовность протянуть им руку помощи. В первом случае буквальный перевод передает необходимый эвфемизм, а во втором и третьем случаях способом перевода является калькирование. Аналогичный случай можно наблюдать в следующем примере: *Through our aid budget and commitment to the Sustainable Development Goals we will not only protect the most vulnerable but also bolster states under threat and help others sustain their progress.* [Перевод: Используя наш бюджет помощи и твердо придерживаясь целей устойчивого развития, мы будем не только защищать **самых уязвимых**, но и поддерживать страны, подвергающиеся опасности, и помогать остальным отстаивать свой прогресс]. Во-первых, в высказывании опущено существительное, к которому относится прилагательное в превосходной степени *the most vulnerable*, но которое без труда может быть в предложении восстановлено (countries). В какой-то

степени этот прием играет роль в успешности достижения эвфемистического эффекта. Во-вторых, словосочетание *the most vulnerable* используется с целью избежать прямой номинации – *страны со слабой, неразвитой экономикой*. Для передачи эвфемизма используется буквальный перевод.

- Эвфемизмы и дисфемизмы, обозначающие смерть и убийства

Упоминая о смерти одного из самых выдающихся Генеральных секретарей, премьер-министр использует эвфемизм *pass away*, предназначенный для смягчения неприятной действительности:

On behalf of the United Kingdom let me begin by paying tribute to an outstanding leader of this United Nations, who *sadly passed away* this summer.

Несмотря на то, что словосочетание *pass away* и его эквивалент на русском языке *уйти из жизни* являются привычными и широко употребляемыми в повседневной жизни наравне с прямой номинацией *умереть (die)*, эти выражения являются идиоматическими; образование данного эвфемизма происходит на фразеологическом уровне. Выбор переводчиком эквивалента был сделан следующим образом: *от имени Соединенного Королевства позвольте мне начать с выражения соболезнований в связи с кончиной этим летом выдающегося руководителя Организации Объединенных Наций*. Выбрав в качестве способа перевода замену частей речи (глагол – существительное), переводчик остановился на существительном *кончина*, которое определяется в словаре как высокое и официальное и используется с целью выражения уважения к умершему [толковый словарь Ушакова]. Более того, оно является архаизмом и используется далеко не во всех случаях упоминания о смерти. В данном случае это существительное не позволяет избежать прямого толкования, план содержания и план выражения совпадают, поэтому при переводе интересующего нас выражения эвфемизм частично стирается. Это можно объяснить свойственному русской культуре использованию именно такого слова в торжественной обстановке, в деловом обращении, в то время как английский перевод *decease* практически не встречается при упоминании о

чьей-либо смерти. Однако, английское выражение *pass away* многозначно, и в одном случае определяется словарем как возвышенное и обозначает «закончить свой жизненный путь» [Multitran]. Использование русского фразеологизма *покинуть этот мир, угаснуть* в качестве эвфемизмов было бы более уместно для художественного текста. Таким образом, можно сделать вывод о важности межкультурного перевода и нахождения эквивалента исходя из традиций той или иной языковой культуры.

Далее перейдем к рассмотрению случаев с использованием дисфемизмов в речи премьер-министра. Затрагивая тему терроризма, Тереза Мэй не сдерживает своего неодобрения и помимо многочисленных эпитетов с негативной окраской в своей речи использует некоторые эвфемизмы, отражающие ее агрессивное отношение к деятельности террористов: В высказывании *while at the same time being repelled by the slaughter in Syria and our failure to end it* выделенное слово, в русском языке имеющее первые значения *убой* (скота), *бойня* полностью передает негативное отношение говорящего к беспорядкам и неконтролируемым массовым убийствам и террору в Сирии. Власть не способна контролировать эту ситуацию, и в речи Терезы Мэй прослеживается стремление снять ответственность за происходящее в другом государстве. Перевод данного высказывания выглядит следующим образом: *и в то же время у них вызывает отвращение массовая бойня в Сирии и наша неспособность остановить ее*. В словаре *slaughter* также имеет такой вариант перевода, как *массовое убийство* (нейтральное обозначение), в большей степени адаптированное для обозначения насильственных и/или военных действий (в сравнении с русскими обозначениями *бойня, убой, забой*, характерными для обозначения убийства животных в промысловых целях). Однако с целью передачи дисфемизма при переводе сохранилось стилистически окрашенное слово, придающее образность выражению. Переводчик использовал прием добавления при выборе эквивалента.

Далее представлены два примера, иллюстрирующие использование дисфемизма *atrocities* с целью подчеркнуть жестокий, чудовищный характер преступлений. В данных примерах дисфемизм *atrocities* образован с помощью гиперболизации нейтрального значения *crimes*, в которое оратор привносит свое негативное отношение к происходящему.

1. ...we should show the same confidence to hold accountable those responsible for the appalling *atrocities* repeatedly inflicted by the Burmese military on the Rohingya, Shan and Kachin peoples since 2011 [Перевод: ...мы должны с такой же твердостью и уверенностью призвать к ответу тех, кто несет ответственность за отвратительные *кровавые преступления*, которые бирманские военные с 2011 года совершают против народностей рохинья, шан и качин]. В этом примере переводчик выбирает стилистически нейтральное выражение, и дисфемизм при передаче на русский язык практически утрачивается, однако его отсутствие компенсируется переводом прилагательного *appalling* – *отвратительные*. Но все-таки для передачи настроения говорящего необходимо сохранять лингвостилистические средства и выбрать более подходящий вариант, например, словосочетание *зверские преступления* вполне подойдут в качестве дисфемизма. Способом перевода послужило смысловое развитие.

2. We must do more collectively to prevent such *atrocities* in the first place, and address the causes of instability that can give rise to them [Перевод: Мы должны активнее действовать совместно, чтобы, во-первых, предотвратить эти *зверства* в будущем, а во-вторых, чтобы устранить причины нестабильности, порождающей эти гнусные преступления]. Перевод с помощью метода калькирования сохранил необходимый дисфемизм.

Следующие высказывания иллюстрируют один из самых распространенных эвфемизмов в сфере политики – *conflict*, обозначающий военный конфликт/вооруженное столкновение/войну: 1) *Progress in which the number of people killed in conflicts has fallen by three quarters in just over three decades* [Перевод: *Эти успехи всего за три десятилетия позволили на три*

четверти сократить количество людей, гибнущих в **конфликтах**]; 2) Through global campaigns we will help countries to end scourges such as modern slavery and sexual violence in **conflict** [Перевод: Проводя глобальные кампании, мы будем помогать странам бороться с такими бедствиями как современное рабство и сексуальное насилие во время **конфликта**]. Как уже отмечалось ранее при анализе речей других политических деятелей, с помощью использования данного существительного происходит переключение оценочного знака на нейтральный или положительный (в данных примерах – на нейтральный, потому что «конфликт» и в большинстве случаев, и в своем первом значении подразумевает временные проблемы «на бытовом уровне»); к примеру, словосочетание *военный конфликт (military conflict)* расширяет масштаб ситуации; в таком случае вероятность «прочтения» эвфемизма практически равна нулю. Опираясь на классификацию Е.А. Шейгал, можно проанализировать два варианта интерпретации способов образования данного эвфемизма. Если рассматривать существительное *conflict* непосредственно в словосочетании *military conflict*, допустимо говорить о семантическом эллипсисе – изъятии семы [Шейгал 2004: 256]. Второй вариант допускает возможность эвфемизма **conflict** скрывать под собой любое из многочисленных значений этого слова, следовательно, данное существительное является родовым термином, генерализированным наименованием и употребляется с целью размытия смыслового содержания [Шейгал 2004: 257]. Перевод в обоих примерах осуществляется с помощью калькирования.

Далее перейдем к рассмотрению особенностей использования эвфемизма *embolden*: *it is also a matter of self-interest. For when barbarous acts and aggression go unchecked – dictators and terrorists are emboldened*. Прежде всего, необходимо обратиться к словарю: глагол *embolden* имеет одно значение – *придавать храбрости/смелости*; остальные в различной степени его синонимы. По своей сути, данный глагол является положительным по своей стилистической окраске (террористов *ободряет* безнаказанность,

вселяет мужество), поэтому здесь его можно считать эвфемизмом, заменяющим выражение «переходить к более решительным действиям». Особый интерес представляет перевод данного предложения: *это также вопрос личной заинтересованности, ибо когда варварские действия и акты агрессии остаются без ответа, диктаторы и террористы смелеют и наглеют*. Переводчик решил использовать прием смыслового развития и оценил ситуацию не в пользу террористов, добавив глагол *наглеть*, который в русском варианте перевода читается как дисфемизм (способы перевода: прием смыслового развития, добавление, замена членов предложения). Таким образом, можно предположить, что переводчиком было внесено свое личное восприятие ситуации исходя из общего отношения премьер-министра Великобритании к событиям и из контекста всего выступления, а также характеристики действий террористов как *варварские (barbarous acts)*. Однако цель высказывания Терезы Мэй не предусматривает использование дисфемизма, так как предложение в целом не раскрывает агрессивного настроения оратора. Поэтому перевод этого высказывания можно осуществить следующим образом: *это также вопрос личной заинтересованности, ибо отсутствие контроля над варварскими действиями и актами агрессии диктаторов и террористов придает им смелости* (способ перевода эвфемизма: добавление, замена членов предложения).

Интересный пример неявного эвфемизма-дисфемизма представляет собой следующее высказывание премьер-министра: *Similarly we should gather evidence of Daesh's crimes worldwide, so ensuring justice for their victims and deterring those who might conduct such crimes in the future*. Следует заметить, что Daesh – еще одно наименование преступной террористической организации ISIS. Необходимо обратиться к дополнительной информации, где объясняются возможные причины более частого употребления именно такой аббревиатуры (Daesh/ДАИШ). Среди них есть вполне логичное обоснование: ДАИШ – акроним арабского слова, которое оскорбительно звучит для членов группировки; его переводят как «топчущий» или «попирающий». Выбор

такого названия не случаен и не предусматривает использование наименования «Исламское государство», как в аббревиатуре **ISIS** (Islamic State of Iraq and Syria). Сравнительно недавно появившееся новое обозначение для террористической группировки становится все более распространенным и среди британских властей. Но не все так однозначно. Согласно другим источникам, **DAESH** – эвфемизм, придуманный СМИ и политиками, который используется с целью замены привычной аббревиатуры **ISIS**, так как для нее характерно наличие слов «ислам», «исламский», что дискредитирует саму религию, не имеющую отношения к терроризму и насилию. В свете такого радикального расхождения аргументов затруднительно прийти к единому выводу. Перевод высказывания выглядит следующим образом:

Точно так же мы должны собрать доказательства преступлений **ИГИЛ** (террористическая организация, запрещена в РФ — прим. ред.) во всем мире, чтобы обеспечить восстановление справедливости для его жертв и удержать тех, кто может совершить такие преступления в будущем.

Переводчик сделал выбор в пользу привычного наименования ИГИЛ, так как ДАИШ новое и не всем известное обозначение. Способ перевода – контекстуальная замена.

- Другие примеры эвфемизмов и дисфемизмов

Речь премьер-министра Великобритании насыщена упоминаниями о всеобщих идеях и ценностях, и высказывание, предложенное нами для рассмотрения, также содержит в себе отголосок идеи общего блага и единства: *For the end of the Cold War did not – as many once believed – lead to the inevitable supremacy of open economies and liberal democracies co-operating on the global stage for **the common good*** [Перевод: *Дело в том, что окончание холодной войны не привело, как надеялись многие, к неизбежному господству открытой экономики и либеральной демократии, которые взаимодействуют на мировой сцене ради **общего блага***]. Общее благо – высшая цель государства, однако это определение настолько абстрактно и неоднозначно, что предположения могут быть ошибочны, и неизвестно, каким содержанием оно

наполнено в данном контексте. Сомнительна сама возможность достижения чего-либо «ради общего блага» без вреда хотя бы для одного человека. Исходя из классификации Е.И. Шейгал, можно отнести данный эвфемизм к категории лозунговых выражений [Шейгал 2004:247]; широкий спектр значений «затуманивает взор» адресата и его внимание расплывается под воздействием многообещающих фраз. Выражение *common good* часто встречается в речи посредством синонимичных выражений: *for all our people, for everyone, benefits all our citizens* и т.д., и перевод всех этих выражений один – ради общего блага. Однако интерес для нас представляет лишь словосочетание *common good*, поскольку только оно является эвфемистичным. Перевод осуществлен с помощью смыслового развития.

Завершающим примером для рассмотрения является следующее высказывание Терезы Мэй, содержащее дисфемизм: *And we are making sure people play by the rules – so that business and innovation is celebrated for creating jobs not **demonised** because of grievances over tax not paid or rights not respected.* Сам процесс демонизации врага представляет собой «превращение представителя другой нации, этнической группы или сторонника иной точки зрения в «недочеловека», используя ложные и непроверенные обвинения; представления оппонента в невыгодном свете» [Коул 1998: 615] Демонизацией можно назвать агрессивную форму дискредитации. В данном случае внимание направлено не на одушевленный объект, а на *бизнес и инновации (business and innovations)*, однако смысл остается тем же. Перевод высказывания представлен следующим образом: *И мы делаем так, чтобы люди играли по правилам — чтобы бизнес и инновации прославляли за создание рабочих мест, а не **демонизировали** из-за недовольства тем, что они не платят налоги и не соблюдают права* – и перевод дисфемизма осуществлен с помощью метода калькирования.

На основе представленного нами анализа политической речи премьер-министра Великобритании можно прийти к следующим выводам:

1. Ввиду большого количества представленных Терезой Мэй актуальных тем для рассуждения в ее более позднем выступлении (2018) наблюдается большая концентрация как эвфемизмов (10), так и дисфемизмов (5), которые были образованы исключительно на лексическом уровне, чего нельзя сказать о ее выступлении в 2016 году, для которого характерно совсем небольшое количество эвфемизмов (4), один из которых образован на фразеологическом уровне, и отсутствуют дисфемизмы.

2. Нередкое использование дисфемизмов объясняется обострением проблем, связанных с деятельностью террористических группировок, включая беспорядки в Сирии.

3. Наиболее широко используется эвфемизация в сфере экономики. Предполагается, что это связано со стремлением не только сместить фокус внимания с упоминания о глобальных задачах, которые стоят перед государством, а также с целью не затрагивать экономические проблемы других стран.

4. Наибольшее распространение в политических речах Т. Мэй получает эвфемизм *challenge*, который искусно маскирует понятие *problem*.

5. Для британской культуры, в отличие от русской, характерно стремление избежать прямой номинации *смерть* и ее всевозможных форм; вместо этого используются соответствующие фразеологизмы.

Проведенный нами анализ пяти речей политических деятелей США и Великобритании позволяет сделать следующие выводы. Опираясь на классификацию эвфемизмов и дисфемизмов по способам их образования, можно утверждать, что количество эвфемизмов, используемых в речах американских и британских политиков практически равны, однако образование эвфемизмов на синтаксическом уровне преобладает в речах политиков Великобритании. Использование дисфемизмов не свойственно выступлениям британских лидеров практически в равной степени как и выступлениям американцев, что может быть связано и с индивидуальными особенностями говорящего, и с факторами социального контекста, и с

невозможностью публично выразить негативные мысли, дискредитирующие кого-либо или что-либо [см. прил. 3].

ВЫВОДЫ по Главе 2

В ходе анализа пяти речей публичных деятелей США и Великобритании и их переводов на русский язык было замечено различия в употреблении эвфемизмов и дисфемизмов разными политическими деятелями. Важно отметить, что вероятность нахождения лингвистических средств, представляющих для нас интерес, зависит от некоторых факторов; в первую очередь, от содержания самого выступления (отчет о положении дел в стране или же победная/прощальная речь), от адресата (обращение к нации или же к политическим лидерам других государств) и, в конце концов, от конкретного публичного деятеля. Употребление дисфемизмов характерно для речей, содержащих критику, направленную на другие государства (Сирия, Иран), на проблемы иммиграции, на выход Великобритании из ЕС и т.д. Особый интерес представляет тот факт, что большое количество речей (в период с начала 2000-ых по настоящее время), в которых открыто выражались и протест против терроризма, и готовность бороться с террористическими группировками, не отличается употреблением в них эвфемизмов, маскирующих понятие «терроризм». Это можно объяснить возросшей необходимостью со стороны государства призвать граждан быть предельно аккуратными, знать врага в лицо, объединиться перед общей проблемой и не поддаваться хитроумным уловкам террористов.

Что касается особенностей функционирования эвфемизмов и дисфемизмов в публичных речах, следует отметить, что существует большая разница между политическими текстами СМИ и непосредственными обращениями политиков к народу. Последние отличаются наибольшей степенью скрытности прямых значений, поскольку в них процесс эвфемизации осуществляется в основном на синтаксическом уровне и достигается за счет перестраивания структуры самих предложений. Наиболее распространенным способом образования эвфемизмов является генерализация и градация, дисфемизмов – метафорический перенос. Среди

методов перевода англоязычных эфемизмов и дисфемизмов на русский язык преобладает метод калькирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе были рассмотрены способы образования, особенности функционирования таких языковых средств, как эвфемизмы и дисфемизмы на материале публичных речей политических деятелей и особенности их перевода на русский язык.

В первой главе нашего исследования мы ознакомились с понятиями политических эвфемизмов и дисфемизмов, рассмотрели и обобщили их классификации по способам образования и языковым уровням. Нами был сделан вывод о способности эвфемизмов проявляться не только на лексическом, но и на различных уровнях языка. От общих понятий мы перешли непосредственно к функционированию эвфемизмов и дисфемизмов в политическом дискурсе и рассмотрели явление «политического дискурса/текста».

Во второй части нашей работы был представлен анализ примеров эвфемизмов и дисфемизмов на материале выступлений политических лидеров США и Великобритании, размещенных в интернет-версиях английских журналов; также нами были установлены способы их перевода на русский язык. В ходе исследования было обнаружено 42 эвфемизма и 12 дисфемизмов, которые удалось разделить, в зависимости от способов образования, на следующие группы (градация, генерализация [слова широкой семантики и т.д.]). Среди способов образования эвфемизмов на лексическом уровне преобладает метафорический перенос – 37% (как и среди способов образования дисфемизмов), на синтаксическом – градация (76%) [см. прил. 1]. Лексический и синтаксический уровни образования являются широко используемыми в политическом дискурсе. Самый распространенный способ перевода как эвфемизмов, так и дисфемизмов – калькирование (61%) [см. прил. 2].

Сохранение лингвостилистических средств при переводе на любой язык важно в связи с необходимостью учитывать цель политической речи; какая бы

они ни была, она всегда присутствует. На первый взгляд можно не обратить внимание на структуру речи политика, но, если провести анализ, можно сделать вывод о тщательной подготовленности оратора, неслучайном и намеренном использовании тех или иных языковых средств (в нашем случае основа политического манипулирования – это эвфемизмы и дисфемизмы), которыми не стоит пренебрегать при переводе на другой язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиева Т.В. Оппозиция «свой – чужой» в англоязычной прессе: лексические средства выражения – Вест. МГИМО ун-та. М., 2012. С. 182-187
2. Алтунян, А. Г. Анализ политических текстов [Электронный ресурс]: учебное пособие / А. Г. Алтунян. М.: Логос, 2014. 384 с.
3. Аносова Н.Э. Проблемы перевода англоязычного политического дискурса СМИ // Науч.-техн. ведомости СПб.ГПУ. – 2013
4. Бархударов Л.С. Язык и перевод. / Л.С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. 465 с.
5. Баскова Ю.С. Манипуляция в языке СМИ: Эвфемизмы как "слова-прикрытия". Краснодар: Ксэи, 2009. 182 с.
6. Баскова Ю.С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ. (на материале русского и английского языков): автореф. дисс...канд. филол.наук / Ю.С. Баскова, Краснодар, 2006
7. Бирюкова Е. В. Реализация категории эмотивности в политическом тексте (на материале речей американских президентов): автореф. дис ... канд. филол. Наук / Е. В. Бирюкова. СПб., 2009. 24 с.
8. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Монография. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 215 с.
9. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. 2002. № 3. С. 32—43
10. Донской В.Ф. О табу и эвфемизмах // Проблемы стилистики, лексикологии и фразеологии. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1976. С. 23-29.
11. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. - М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. 344 с

12. Карасик В.И. Дискурс // Социальная психолингвистика: Хрестоматия. Москва: Лабиринт, 2007. С. 162—196
13. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5—20
14. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия. Л.: Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, 1988. 80 с.
15. Киреева Е.З. Эвфемизм как речевой акт// Развитие и функционирование русского языка - Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2013. - № 1 (17) С.11-14
16. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин, 1994. №1–2. С. 28–49
17. Лысякова М.В., Гаевая А.А. Лексико-грамматические свойства эвфемизмов (на материале политического дискурса) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. -№1. М., 2018. С. 50-70
18. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 562 с.
19. Миронова, П. О. Стратегия редукционизма в современном политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект : автореф. . дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.
20. Москвин В.П. эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования //Вопросы языкознания-Москва «Наука». -№3. 2001. С.58-78
21. Панин В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория: автореф. дисс. ... к. филол. н. Тюмень, 2004. 385 с.
22. Резанова А. Н. Классификация дисфемизмов по лексико-семантическим разрядам // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 63. Ч. 1. С. 277-280.

23. Рябова М.Ю. Коммуникативные функции эвфемии в политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики, №5 (35) 2014, часть 2. С.177-181
24. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999. 544 с., 2000 экз.
25. Сидельникова, Е. А. (2011), Коммуникативно-прагматическая специфика эвфемизации / дисфемизации в нарративе финансово-экономического кризиса. Политическая лингвистика. № 4.
26. Смолякова В.В. Имидж политического лидера в структуре коммуникативного пространства II Вестн. Моск. ун-та. Сер. 1S. - 2000. - № 2. С. 102-109.
27. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.
28. Терминологический словарь-справочник / М.Б. Раренко. М.: ИНИОН РАН, 2013. 258 с.
29. Тибинько, Н. Д. Манипуляция в политическом дискурсе / Н. Д. Тибинько // Вестник Челябинского государственного университета. № 3. Филология. Искусствоведение. Вып. 50. Челябинск : Изд- во «ЧелГУ», 2011. 218 с.
30. Тюрин Е.Е. Семантический статус эвфемизмов и их место в системе номинативных средств языка. Текст: на материале соврем. англ. яз. : дис. канд. филолог. наук : 10.02.04 / Е.Е.Тюрин. Н.Новгород, 1998.134 с.
31. Ухванова, И. Ф. Дискурс средств массовой информации как объект исследования // Методология исследований политического дискурса/ сост. и общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск, 1998.
32. Федорова К. И., Николаева С. В. Реализация речевой агрессии: стратегия самопрезентации в англоязычных СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016
33. Чес Н.А., Тюкина Т.А. Эвфемизмы как средство манипулятивного воздействия в американском и британском политическом

- медиадискурсе // Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. №9. С. 39-43
34. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учеб.пособие /Москва, Изда-ва «Флинта», «Наука», 2006. 254 с.
  35. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004
  36. Шейгал, Е. И. Язык и власть // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград: Перемена, 1999. С. 142–158
  37. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия: пер. с англ. ... Предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. М.: Экономика, 1995. 540 с.
  38. Юдина, Т.В. Теория общественно-политической речи. М., 2001

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

1. FULL TEXT: Donald Trump’s 2016 Republican National Convention Speech [Electronic resource] // 2016, July. – URL: <https://abcnews.go.com/Politics/full-text-donald-trumps-2016-republican-national-convention/story?id=40786529> (accessed 07.05.19)
2. Предвыборная речь Дональда Трампа на Съезде Республиканской партии США (ссылка и перевод) [Электронный ресурс] // 2016. Режим доступа: <https://www.politforums.net/usa/1484070793.html> (07.05.19).
Загл. с экрана
3. Full Transcript: President Trump’s State of the Union Address 2019 [Electronic resource] // 2019, February. – URL: <https://singjupost.com/full-transcript-president-trumps-state-of-the-union-address-2019/> (accessed 15.06.19)
4. The White House (США): послание Трампа к Конгрессу США «О положении дел в стране» [Электронный ресурс] // 2019. Режим доступа:

- <https://inosmi.ru/politic/20190206/244524084.html> (15.06.19). Загл. с экрана.
5. Barack Obama's farewell speech in full [Electronic resource] // 2017, January. – URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2017/01/11/barack-obamas-farewell-speech-full/> (accessed 15.06.19)
  6. Прощальная речь Обамы [Электронный ресурс] // 2017. Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20170111/238510993.html> (15.06.19). Загл. с экрана.
  7. David Cameron's EU speech in full [Electronic resource] // 2013, January. – URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/eu/9820230/David-Camersons-EU-speech-in-full.html> (accessed 11.05.19)
  8. "In or out?": Великобритания решит вопрос членства в ЕС на референдуме: "Европейская речь" Дэвида Кэмерона [Электронный ресурс] // 2013. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1616791.html> (11.05.19). Загл. с экрана.
  9. Theresa May's first speech to the UN General Assembly: Read the complete text [Electronic resource] // 2016, September. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/theresa-mays-first-speech-to-the-un-general-assembly-read-the-complete-text-a7319601.html> (accessed 09.06.19)
  10. Выступление премьер-министра Великобритании Терезы Мэй на пленарном заседании сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Electronic resource] // 2016. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/speeches/theresa-mays-speech-to-the-un-general-assembly.ru> (09.06.19). Загл. с экрана.
  11. Donald Trump's border wall speech – in full [Electronic resource] // 2019, January. – URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2019/jan/09/donald-trumps-border-wall-speech-in-full> (accessed 02.05.19)

12. Washington Post (США): телеобращение Трампа о строительстве стены и прекращении работы правительства [Электронный ресурс] // 2019. Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20190109/244357065.html> (02.05.19). Загл. с экрана.
13. Remarks by Theresa May to the 73rd Session of the United Nations General Assembly [Electronic resource] // 2018, September. – URL: <https://www.voltairenet.org/article203152.html> (accessed 06.05.19)
14. GOV.UK (Великобритания): Речь премьер-министра Великобритании на заседании Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] // 2018. Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20180927/243346773.html> (06.05.19). Загл. с экрана.